

Мария Янкович
(Сомбатхей, Венгрия)

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 19 ВЕКА

Abstract: In the first half of the 19th century the development of the Russian literature had a great influence on translation, too: almost all of the outstanding writers were dealing with translation, too, both theoretically and practically. At that time translation was already considered an art demanding great talent. This paper gives an account of the views on translation of the most important translators of the age – Zhukovsky, Katenin, Gnedich, Pushkin and Lermontov, and also that of the famous literary critic Belinsky and through this it also shows the new ideas of translation in the first half of the 19th century.

Keywords: literature, translation, art, word for word translation, translators' principles

1. Введение

Расцвет русской литературы, особенно поэзии в первые десятилетия 19 века оказал большое влияние и на развитие переводческой деятельности. Практически все крупные писатели данного периода занимались и переводом, высказывали свои различные теоретические суждения по его поводу.

К началу 19 века отношение к переводческой деятельности в значительной мере изменилось: с этого времени перевод считался не просто ремеслом, а **искусством**, которым занимались и такие знаменитые деятели культуры, поэты и писатели, как Жуковский, Фет, Вяземский, историк Карамзин и др. Одному из первых крупных деятелей русской литературы, В.А. Жуковскому, например, известность принесли как раз переводы поэтических произведений зарубежных авторов. Литературовед М.П. Алексеев эту эпоху назвал творческим периодом истории русского переводческого искусства, для которого наиболее характерны «уверенность и профессионализм передачи». Некоторые переводы этого периода являются настоящими шедеврами переводческого искусства. Однако, в результате того, что в начале 19 века принципы перевода часто меняются, после появления в литературных журналах нового перевода, в периодике, как правило, публикуются многочисленные рецензии. Не изолированно, а в культурном контексте эпохи ведутся горячие дискуссии о том, каким должен быть хороший перевод, что обозначает верность по отношению к оригиналу, как передать в переводе культурные и национальные особенности или художественные формы оригинала, как воспроизводить национальный колорит и т.д. Писатели-переводчики стараются объяснить и доказать свои решения. В результате критических

разборов отдельных переводов техника переводческого искусства постепенно совершенствуется (Алексеев in Нелюбин–Хухуни 2006: 241).

Сторонники Карамзина, т.н. «новаторы» в своей деятельности по развитию русского языка, рассчитывали на помощь переводчиков, а его противники во главе с писателем и политиком Шишковым, т.н. «архаисты» обвиняли их в том, что – применяя чужие семантические и фразеологические элементы в своих переводах – они выступают как раз против своего родного языка (Соболевский in Нелюбин–Хухуни 2006:241).

2. Крупные переводчики первой половины 19 века

Василий Андреевич Жуковский (1783-1852), получивший от А.С.Пушкина титул «гений перевода», занимает особое место в истории перевода России. В его литературном творчестве переплетаются три ведущих направления конца 18 – начала 19 веков: классицизм, сентиментализм и романтизм. Это отражается как в его переводческой деятельности и принципах, которым он следовал в своем творчестве, так и в его высказываниях о переводе.

На раннем этапе творческой деятельности для него были характерны черты, присущие *классицизму*: он подчеркивал (воспроизведив мысли французских авторов), что «самый приятный перевод одновременно и самый верный», что в интересах «гармонии» в случае необходимости можно пожертвовать и «точностью», и «силой». В таком духе переводил он в 1804 году «Дон Кихота» Сервантеса не с испанского оригинала, а с французской перевода. Традиция эстетики классицизма у переводчика Жуковского заметна и в его подходе к прозе и поэзии. Его знаменитый афоризм: «*Переводчик в прозе есть раб, переводчик в стихах – соперник*» (Федоров in Нелюбин–Хухуни 2006: 247). Некоторыми исследователями он трактуется так: поэзия для Жуковского относится к более высокому жанру по сравнению с прозой (это влияние классицизма). Согласно другой (романтической) интерпретации для Жуковского перевод в прозе – это нехудожественный «грамматический» перевод, а перевод в стихах – это творческий «свободный» перевод (Федоров in Нелюбин–Хухуни 2006: 248). Но и в том, и в другом случае совершенно очевидно, что теоретические взгляды Жуковского отчетливо ориентируют переводчика на вольное обращение с исходным текстом, в результате чего термин «перевод» в его понимании вызывает споры (Нелюбин–Хухуни 2006: 248).

В некоторых его переводах с английского на русский язык наблюдается влияние *сентиментализма*: появляются *чувствительность и меланхолический настрой*. Однако, несколько десятилетий спустя, Жуковский дал совершенно новый вариант перевода этих произведений, уже в романтическом духе.

Оригинальный текст, написанный в прозе, Жуковский не раз передает на русском языке в форме стихотворения. Он предпочитает переводить произведения менее известных авторов и восточных классиков: с их произведениями он обращается при переводе более вольно. Некоторые части пропускает, другие прибавляет – собственно говоря, не переводит, а старается просто пересказать на русском языке ту историю, которая ему понравилась. Это свободное обращение со стихами было мотивировано и его личностью: *при переводе он в такой степени пропускал вульгарные выражения, подчеркивал религиозные мотивы и прибавлял эпизоды из своей жизни*, что в результате вместо перевода он создавал свое собственное произведение. Об этом в разных местах неоднократно критически высказывались уже его современники: писатели Бестужев, Гнедич, Гоголь, Полевой и другие. По мнению известного критика 19 века Белинского, *Жуковский был поэтом, а не переводчиком*: его т.н. «переводы» на самом деле не переводы, а воссоздание оригинала в собственном духе. Как переводы они плохие, но как собственные произведения – отличные (Нелюбин–Хухуни 2006: 251).

В более зрелом возрасте Жуковский старался переводить *более точно*, но для него *содержание* и тогда *было важнее формы*. В результате того, что некоторые произведения он снова переводил с оригинала, и обе версии сохранились, получилось два «стихотворения Жуковского» так как все его «переводы» были *субъективными*.

В течение последних 150 лет в истории русского переводоведения не удалось определить роль Жуковского как переводчика лирических произведений на русский язык: одни исследователи считают, что его взгляды были близки к понятию т.н. адекватного перевода в современном смысле, а другие относятся к ним отрицательно.

Резко критиковал переводческую деятельность Жуковского сторонник декабристов, поэт, критик и драматург **Петр Андреевич Катенин** (1792-1853), который при переводе в «свое» хотя и вносил «чужое», всегда старался *точно передать форму, ритм и объём оригинального произведения*. Единственной ценностью переводов Жуковского он считал сохранение объема оригинала.

Для переводческой деятельности автора русской «Илиады», **Николая Ивановича Гнедича** (1784-1833) наиболее характерно стремление *оставаться максимально верным к оригиналу*. Ничего не изменять, все передавать так, как это было у автора оригинала – такова была его позиция. Несмотря на это, оценка его творчества в кругу современников была неоднозначна: Пушкин считал его «русскую Илиаду» героическим подвигом, а другие писатели и поэты слишком сложным произведением.

На наш взгляд, Жуковский при переводе слишком свободно обращался с произведениями зарубежных авторов. Особенно тогда, когда добавлял эпизоды из своей жизни или прозаические произведения переводил в

стихах. Такой подход не допустим даже в случае т.н. адекватного перевода в современном понимании.

3. Переводчики - сторонники буквального перевода

Во второй половине 20-х годов 19 века переводчики старались *подчиняться переводимому автору и точной передаче оригинала*, в результате чего этот период является новым этапом в развитии русского перевода и переводческой мысли.

Близкий друг А.С. Пушкина, поэт, журналист и критик **Петр Андреевич Вяземский** (1792-1878) следовал переводческим принципам Жуковского и перевел «Крымские сонеты» с польского на русский язык в прозе, стараясь при этом «переводить как можно буквально». В начале 30-х годов при переводе прозаического произведения с французского он подчеркивает, что переводить можно и независимо от оригинала – передавая его смысл и дух в новой форме, а также в зависимости от него, – сохраняя даже его форму. Он сам придерживался второго способа: мысли и стиль автора старался передать средствами своего родного языка в той же форме, и одновременно сохранить дух культуры оригинала. Позже – в результате отсутствия разработанных средств передачи национальных и индивидуальных особенностей оригинала – за их буквальное воспроизведение ради передачи специфики, присущей подлиннику, его резко критиковали (Нелюбин–Хухуни 2006: 261).

Сторонником буквального перевода являлся и военный топограф **Михаил Павлович Вронченко** (1801/2-1855), который хотя и не был переводчиком-профессионалом, много занимался переводами произведений Байрона, Гете, Мицкевича, Шиллера и Шекспира. Особенно большое значение имел перевод «Гамлета», сделанный им во второй половине 20-х годов. Он старался перевести это произведение Шекспира на русский язык впервые без самовольных опущений и добавок, в истинном виде. В предисловии к нему Вронченко излагает те основные принципы, которыми он руководствовался при переводе «Гамлета», а именно:

- 1) Переводить следует точно, сохраняя мысли оригинала, а также их порядок: прозу прозой, стихотворение стихами.
- 2) Выражения – в определенных рамках – должны быть верными оригиналу.
- 3) Игру слов необходимо переводить и в том случае, если это угрожает точности.
- 4) В неясных и сомнительных местах надо советоваться со всеми комментаторами, а потом выбрать наиболее адекватное толкование.
- 5) Чтобы текст для читателей был полностью ясным, необходимо давать в сносках все нужные объяснения и комментарии (Нелюбин–Хухуни 2006: 261-262).

Он переводил почти всегда слово в слово, чтобы получить как можно более точную копию подлинника. Современники (Тургенев, Белинский и др.) – признавая его заслуги – упрекали его в «унасиловании» родного русского языка.

4. Переводческая деятельность А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова

Многие исследователи русской переводной литературы особое внимание уделяли переводческой деятельности **Александра Сергеевича Пушкина**: изучали его место и роль в развитии теории и практики русского перевода. Их можно разделить на две противоположные группы: одни ученые (Г.Д. Владимирский, О.П. Холмская и др.) подчеркивали, что у Пушкина наблюдается целая система самостоятельных переводческих принципов, свидетельствующих о том, что поэт при переводе осуждал как буквализм, так и чрезмерную вольность. В 1950-х годах И.А. Кашкиным была нарисована следующая картина о пройденном русской переводческой традицией пути: В начале 19 века рядом с приверженцами вольного романтического перевода (Жуковский и Батюшков) существуют сторонники точности (Катенин), а гениальные реалистические переводы появляются лишь под пером Пушкина и Лермонтова. Как видно, Кашкиным высказано в наиболее яркой форме, что: *«великий поэт в то же время великий переводчик»* (Нелюбин-Хухуни 2006: 264).

В 1930-х годах 20 столетия исследователи, принадлежащие к другой группе (Б.В. Томашевский, Ю.Д. Левин и др.) были того мнения, что Пушкин (как и Жуковский) был в первую очередь поэтом, а не переводчиком: как поэт был хорош, но его переводы занимают в литературе не очень значительное место. Для него переводческая деятельность была своеобразной школой, которая готовила поэтов к созданию оригинальных произведений.

Однако, все исследователи согласны с тем, что его роль в развитии художественного перевода значительна, что его переводческая деятельность стала неотъемлемой частью его творчества: среди его произведений встречаются как настоящие переводы, так и произведения, созданные с одновременным применением нескольких переводческих принципов. Пушкин подчеркивает, *что верность слову и верность смыслу и выражению противоречивы*, так как у каждого языка есть свои обороты, сложные риторические выражения, которые перевести на другой язык теми же словами невозможно (Пушкин in Нелюбин-Хухуни 2006: 266).

Михаил Юрьевич Лермонтов принадлежит также к *представителям «реалистического перевода»*. Хотя он упрекал Жуковского в том, что тот не различал перевод от оригинального произведения, что время от времени не указывал источники, из которых заимствовал отдельные мотивы, и часто в значительной мере изменял иностранный текст, не

упомянув даже автора оригинального текста, у него также *не было резкой грани между своим произведением и переводом*: во всех его переводах, адаптированных текстах и версиях сильно чувствовалась его поэтическая личность, «лермонтовский элемент». По мнению некоторых исследователей у него переводов вообще не было (Федоров in Нелюбин–Хухуни 2006: 267).

5. В.Г. Белинский о теоретических вопросах перевода

Крупнейший русский критик 19 века **Виссарион Григорьевич Белинский** (1811-1848) хотя в молодости – правда, чаще всего случайно и для заработка – занимался переводами с французского языка, как переводчик не оставил значительных следов в переводной литературе. Однако и позднее уделял ей большое внимание: его многочисленные статьи, рецензии и письма были посвящены теоретическим вопросам перевода.

В одной из своих ранних работ, вышедшей в 1835 году, он рассуждал о важности переводов с точки зрения общественного развития России. В ней он подчеркивал, что переводы нужны в еще большем количестве, их полезность неоспорима, важно и необходимо обращать внимание как на перевод научных, так и на перевод художественных текстов: ведь они помимо того, что доставляют удовольствие, развивают эстетическое чутье, формируют вкус, знакомят читателей с понятием настоящей эстетики, играют важную роль в развитии формирующегося русского языка (Нелюбин–Хухуни 2006: 268).

В 1838 году в одном из своих тезисов Белинский пишет о двух видах перевода, а именно: о «художественном», объективно отражающем действительность, и о «поэтическом», идеализированно отражающем субъективное. Суть и специфика «художественного» перевода заключается в том, что старается передать оригинальный текст без прибавок, не изменяет его даже в том случае, если в нем находятся ошибки. Цель таких переводов, сделать доступным оригинальное произведение и для тех, кому по незнанию языка оно недоступно, дать им возможность наслаждаться и судить о нем.

А «поэтический» перевод нужен потому, что произведения иностранных авторов для большинства русских читателей пока еще недоступны: они понятны лишь для любителей и исследователей искусств. Однако, так как переводы делаются не для нескольких человек, *переводчик не только имеет право, но и должен выкидывать все, что без объяснения непонятно, что характерно только для эпохи писателя* (Нелюбин–Хухуни 2006: 269).

На основе наших современных знаний по переводоведению, мы с этим полностью согласиться не можем: пропуском, вызывающим в любом случае потери, переводчик может пользоваться лишь изредка, и в этом случае он должен компенсировать потери где-нибудь в тексте.

Через несколько лет Белинский выдвигнет противоположный тезис, в котором подчеркивает, что *цель перевода дать по возможности самое верное представление читателям о чужом тексте, не изменяя его*. Эти мысли обозначают как раз отрицание сути «поэтического» перевода. Позже в одной своей статье уточняет и понятие «художественного» перевода: «При переводе художественных произведений существует лишь одно правило, а именно: *нужно передать дух произведения, написанного на исходном языке, а это возможно лишь тогда, если переводить его так, как написал бы его автор, если бы он был русским*» (Нелюбин–Хухуни 2006: 270).

Также неоднозначна позиция Белинского относительно вопроса переводимости: с одной стороны, саркастически обращается к тем, по мнению которых переводить всегда, со всех языков и в любом случае лишняя трата времени, бесполезно и для литературы, и для общества, так как любой перевод трудно представить без прочтения оригинала. По его мнению, они, к сожалению, забывают тот факт, что переводы делаются в первую очередь для тех читателей, у которых нет возможности прочитать произведение в оригинале. Самое важное, что перевод литературных произведений одного народа на язык другого является основой знакомства и распространения мыслей людей, принадлежащих к разным народам, а также развития литературы и мышления. С другой стороны, Белинский подчеркивает, что у человечества нет ни одного значительного произведения, которое можно было бы перевести на другой язык без того, чтобы возникло желание у читателей этого перевода прочитать данное произведение в оригинале. А без прочтения оригинала – даже в случае самого удачного перевода – у читателя не может быть точного представления о нем (Нелюбин–Хухуни 2006: 270).

О том, допустимы ли прозаические переводы стихотворных произведений Белинский высказывался также по-разному. В 1838 году он считал важным при переводе сохранение формы (полагая, что в том случае, если перевод лучше оригинала, это уже не перевод, а переделка), *перевод стихов в прозе рассматривал как самый неверный и неточный перевод*. Но уже в 1847 году для него в большинстве случаев именно *этот метод становится самым подходящим*.

Причина этих противоречивых взглядов Белинского вероятно заключается в самом переломном характере эпохи. Но положения и выводы, содержащиеся в его рассуждениях в дальнейшем послужили стимулом для поисков специалистов теории и практики перевода (Нелюбин–Хухуни 2006: 271).

3. Заключение

Сравнивая переводческие концепции 18 и начала 19 века, можно установить следующее:

Начиная с 18 века вплоть до середины 19 века в кругу переводчиков поэзия считалась высшей формой по сравнению с прозой. Если в начале

18 века при Петре Первом в России с иностранных языков на русский переводят в первую очередь «полезную», т.е. научную и специальную литературу, то во второй половине века появляются уже и первые переводы мировой развлекательной литературы, разрабатываются принципы и методы художественного перевода, а к началу 19 века перевод превращается из ремесла в искусство.

В начале 18 века переводы часто делаются не с оригинала, а в конце 18 и начале 19 вв. писатели-переводчики уже все реже пользуются языком-посредником, техника перевода постепенно совершенствуется.

В 18 веке передача иностранного текста ориентируется на «получателя» (переводят не слово в слово, но понятно для читателей), в то же время переводческая этика исключает полный произвол переводчика по отношению к автору оригинала. Во второй половине века наблюдается стремление к идеалу, допускается даже «плагиат» в современном понимании слова: важно лишь сохранение стиля и формы оригинала. В начале 19 века для некоторых переводчиков содержание является важнее формы, они свободно обращаются с текстом, перевод – это пересказ оригинала в собственном духе, поэтому является субъективным (Жуковский). Для других же переводчиков важна максимальная верность оригиналу: передача формы, ритма и объема (Катенин). Для третьих важно сохранить форму, передать мысли и стиль оригинала средствами своего родного языка (Гнедич).

Перевод в первой половине 19 века считался очень сложным занятием, предполагающим особый талант. Переводчики должны были отвечать следующим требованиям: владеть исходным языком и языком перевода, знать автора оригинала, уметь передать дух оригинального произведения, в то же время сохраняя стиль автора.

Литература

- Нелюбин, Л.Л. – Хухуни Г.Т. (2006) Наука о переводе. Москва, Флинта.
- Янкович М. (2011) У истоков переводоведения. // Gadányi K. (szerk.) *Studia Slavica Savariensia* 1-2. Szombathely, Nyugat-magyarországi Egyetem Kiadó. 147-155.
- Янкович М. (2013) Переводческая деятельность в России в 18 веке. // Lendvai E. (főszerk.) *Translatologia Pannonica* 2013. 1.sz. A PTE BTK Fordítástudományi Kutatóközpont elektronikus folyóirata. 43-49. <http://translator.btk.pte.hu/>
- Jankovics M. (2011) A fordítás elméletének és gyakorlatának orosz-magyar vonatkozásai. Szombathely, Nyugat-magyarországi Egyetem Kiadó.